

Когда отец с сыном вернулись домой, вся семья Тао Дачжу, за исключением беглянки Эрью, была уже в сборе. Невестка Ван рыдала навзрыд — то ли оплакивая пропавшую дочь, то ли украденное серебро, бог её знает.

У госпожи Сун было всего двое сыновей, и хотя она терпеть не могла невестку Ван и едва не возненавидела Эрью за её покушение на внука, при разделе имущества она не обидела первенца. Помимо того, что им оставили старый дом, из семейных двадцати пяти лянов Дачжу выделили десять — на починку крыши и обзаведение хозяйством.

Двадцать пять лянов — сумма немалая, старая госпожа копила их годами, откладывая по грошу, и берегла для своего «драгоценного сокровища», чтобы тот мог учиться.

Но из десяти лянов, едва попавших в руки Тао Дачжу, два тут же «одолжила» родня невестки Ван, еще один разошелся по мелочам. Оставалось семь лянов да горсть медных монет — и Эрья выгребла всё дочиста, не оставив в доме ни единого цзяня. Будь она сейчас поблизости, Госпожа Ван, не дожидаясь мужа, сама бы избила девчонку до полусмерти.

Увидев любимого внука, госпожа Сун не пожелала больше препираться со старшими.

— Хватит! — отрезала она, не скрывая раздражения. — Ступайте к себе. Вы сами её породили, нечего теперь на меня, старуху, вину валить. Зерна вам выделили вдоволь, если будете экономить, до нового урожая дотянете.

Она подхватила метлу и принялась выпроваживать незваных гостей:

— Я вас при разделе не обделила! Обоим сыновьям по десять лянов дала, а оставшиеся пять — это мои «гробовые». Или вы и на них позарились? А ну пошли прочь! Вон из моего дома!

Метла в руках старой госпожи свистела так грозно, что Госпожа Ван попятилась. Дачжу тоже не посмел перечить матери, и вскоре всё семейство убралось восвояси.

Госпожа Сун весь день кипела от злости.

«Хорошо, что вовремя отселила старших, — думала она. — А ну как эта дрянная девчонка украдет у меня? Что тогда стало бы с моим ненаглядным внучком? Да и восемьдесят лянов за женьшень могли пойти прахом».

От этой мысли старуха твёрдо решила спрятать новые деньги так надёжно, чтобы никто и не пронюхал. Она и не думала помогать семье Дачжу из этих средств. Госпожа Сун прекрасно знала: стоит ей проявить доброту, как невестка Ван тут же вообразит, будто в доме всегда водилось гораздо больше двадцати пяти лянов, и всё это время «несправедливая» мать прятала

богатство для младшего Даюна. Вместо благодарности она получила бы только упрёки.

«Пусть живут как знают, — решила она. — Пока с голоду не пухнут, вмешиваться не стану».

Глядя на внука, который с каждым днём всё больше походил на настоящего учёного, старая госпожа снова расплылась в улыбке. Только Юаньцзин был её истинным утешением. Теперь она ясно видела: девчонка была ходячей бедой. То, что Эръя сбежала, даже к лучшему — иначе семья потеряла бы куда больше семи лянов.

Тао Даюн и его жена разделяли эти мысли. Хотя они втайне злились на племянницу, они понимали: стоит им поднять на неё руку, и деревня назовёт их жестокими. Родная кровь как-никак. С её побегом в доме наконец воцарился покой. С глаз долой — из сердца вон.

К тому же они были уверены, что Эръя, имея при себе столько серебра, рано или поздно попадёт в беду. Глупая девчонка возомнила, что может выжить одна в большом мире? Скорее всего, её поймают и перепродадут в какой-нибудь тёмный угол.

Юаньцину такая перемена тоже была на руку. По крайней мере, ближайшие годы он мог не опасаться каверз со стороны «главной героини». Сохранит ли Эръя свою удачу из сюжета и сможет ли возвыситься позже — покажет время. В конце концов, в этом мире мужчине гораздо проще прокладывать себе путь.

Чтобы не дать судьбе шанса на реванш, Юаньцзин удвоил усилия в учёбе. Чем выше он поднимется, тем меньше вреда сможет причинить ему Эръя. Однако оставалось одно дело, требующее вмешательства взрослых:

— Бабушка, — обратился он к старой госпоже за ужином. — Зная характер Эрьи, боюсь, если она не пропадёт, то со временем может обернуть свою «удачу» против нас. А если натворит бед в чужих краях, позор и вина падут на весь наш род и деревню. Не лучше ли попросить Главу клана внести изменения в родословную? Пусть её официально вычеркнут из клана.

Глава клана, будучи человеком мудрым, наверняка поймёт необходимость такого шага. После покушения на брата и кражи имущества Тао Эръя больше не имела права зваться частью семьи.

Даюн тут же отложил палочки:

— Матушка, Цзин-бао прав. Эта девчонка — корень всех бед. Нашему сыну ещё экзамены сдавать, чиновником становиться. Нельзя допустить, чтобы какая-то воровка подмочила ему репутацию.

Госпожа Сун колебалась лишь мгновение, но при упоминании карьеры внука все сомнения развеялись:

— Решено. Доем и пойду к Главе клана. Раз она сбежала — значит, для нашего дома её больше нет.

Глава клана Тао и сам был вне себя. Стоило госпоже Сун заговорить, как он тут же согласился. После краткого совета со старейшинами в храме предков записи в родословной обновили. Тао Санья заняла место «второй дочери», а когда спустя год с небольшим невестка Ван родила ещё одну девочку, та просто заполнила пустующее место Третьей.

О решении клана семье Дачжу просто объявили как о свершившемся факте. Клан Тао не собирался держать в своих рядах столь порочную особу. Старейшина строго наказал всем жителям деревни придерживаться единой версии: в этом доме никогда не было никакой Эрьи.

Так старая Эрья (а точнее, будущая Тао Юйчжу) стала для деревни призраком, которого никогда не существовало. Нынешняя «Эрья», которой исполнилось всего шесть лет, стала законной двоюродной сестрой Юаньцзина.

До рождения второго сына в семье Тао наступила пора осенней жатвы — самое тяжёлое время для крестьянина. В этом году небо было милостиво: урожай выдался на славу, обещая полные закрома.

Младшая госпожа Сун с её огромным животом едва могла разогнуться. Юаньцзин порывался помочь, но вся семья встала стеной: «Твои руки созданы для кисти, а не для серпа!» Стоило ему заикнуться о жатве, как бабушка начинала причитать, что он погубит своё здоровье, и юноше пришлось смириться.

— Хорошо, я не пойду в поле, — сдался он. — Но тогда, бабушка, давай наймём двух работников в помощь. Деньги у нас теперь есть. Если вы с отцом надорвётесь, на лекарства уйдёт гораздо больше. К тому же ты ведь хочешь прожить подольше и увидеть мой триумф?

«Ну... — старая госпожа призадумалась. Жить долго и видеть, как её внук возвышается над всеми соседями, было её самой заветной мечтой».

— Матушка, послушай Цзин-бао, — поддержал Даюн. — Тебе и впрямь не мешает передохнуть.

Видя такую заботу, госпожа Сун просияла:

— Ладно, будь по-вашему.

Даюн быстро нашёл двух работающих поденщиков. Всего за два дня они управились со всеми наделами, а Юаньцзин, оставшись дома, ломал голову, как получше накормить работающих.

Помимо мяса из лавки, он решил применить хитрость. У подножия горы он вырыл несколько ям-ловушек, подлив в них немного воды из духовного источника для приманки. Он сделал всё по памяти, точь-в-точь как в сюжете. На следующее утро в ловушках обнаружались два жирных зайца. Радостный Юаньцзин притащил их домой за уши.

Даюн только диву давался.

«Надо же, как просто! — подумал он. Но тут же одёрнул себя — его Цзин-бао рождён под счастливой звездой, и то, что другим не даётся, для него проще простого».

В тот вечер в котелке наваристо кипела зайчатина, и вся семья вместе с работниками наелась досыта. Как только страда закончилась, Юаньцзин засыпал ловушки. Излишнее везение могло вызвать ненужные толки.

Не успела деревня вздохнуть после жатвы, как у матери начались схватки. Юаньцзин, только вышедший из школы, заметил, что отец не на шутку встревожен.

— Что случилось, папа?

— Твоя мать... кажется, время пришло. Когда я уходил, она уже мучилась.

Юаньцзин едва не вскрикнул:

— Папа, живо нанимай повозку и вези лекаря из города! Вдруг роды будут тяжёлыми?

— Но это ведь не первый её ребёнок...

— Говорят, роды — это как шаг через порог преисподней! — Юаньцзин вспомнил, что по сюжету этот ребёнок не должен был выжить, и испугался не на шутку. — Я не хочу мачеху, папа! Позаботься о маме!

— Хорошо, Цзин-бао, сделаем как просишь.

Даюн и сам места себе не находил. Он подхватил сына, добежал до городской аптеки, забрал лекаря и на нанятой повозке помчался в деревню.

Едва они вошли во двор, как из дома донёсся истошный крик. У Юаньцзина подогнулись колени. В этом мире роды часто заканчивались трагедией, а он не мог сейчас вмешаться открыто. К счастью, Даюн втащил старого лекаря в комнату почти силой.

Тао Дачжу и невестка Ван уже были там — как ни крути, при разделе имущества узы не рвутся совсем. Увидев суету, Ван-ши недовольно проворчала:

— Какая же неженка наша невестка! Лекаря ей из города подавай... Я четверых родила, и никто вокруг меня так не прыгал.

— Заткнись! — рывкнула госпожа Сун, возникнув на пороге. — Язык прикуси! Ты что, четверых родила? Всего троих родила!

Лекарь поспел вовремя. Роды и впрямь оказались тяжёлыми. Впрочем, сказались и усилия Юаньцзина, который тайком подливал матери воду из духовного источника. Только когда совсем стемнело, дом огласил звонкий детский плач. Даюн без сил опустился прямо на землю.

Юаньцзин порывался войти, но бабушка строго запретила: в родовой комнате «скверна», нельзя будущему учёному туда соваться. Мальчик подошёл к двери и крикнул:

— Как мама?

— Всё хорошо, Цзин-бао! — отозвалась госпожа Сун. Голос её звенел от радости. — Уснула твоя мать, силы её оставили. Сейчас приберёмся и позовём лекаря ещё раз пульс проверить. Поздравляю, внучок, у тебя и впрямь братик родился!

Юаньцзин сполз по стенке рядом с отцом. Они переглянулись и одновременно рассмеялись от облегчения. Госпожа Ван снова скривилась от зависти: первый сын, теперь второй... Она решила, что должна родить ещё одного мальчика, чтобы не уступить младшей невестке.

Юаньцзин не замечал этих интриг. Когда бабушка вынесла свёрток с младенцем, они с отцом наконец смогли подняться. Даюн протянул руки, но старуха шлёпнула его по ладони:

— Куда лезешь, неумеха? Ещё напугаешь кроху. Цзин-бао, гляди скорее, какой красавец!

Юаньцзин увидел сморщенное красное личико, похожее на маленькую обезьянку.

— Бабушка права, — улыбнулся он. — Очень красивый. Папа, как мы его назовём?

Даюн только чесал затылок и глупо улыбался. Старая госпожа подвинула свёрток поближе к старшему внуку:

— Что твой отец смыслит в именах? Пусть наш учёный назовёт брата.

— Что же, — торжественно произнёс Юаньцзин. — Пусть его имя следует за моим. Раз я

Юаньцзин, пусть он будет Юаньцзэ. А ты, бабушка, дай ему домашнее имя.

— Юаньцзэ? Тао Юаньцзэ? Хорошее имя! — Бабушка не могла нарадоваться. — А домашним именем будет Сяо Нюню. Пусть растёт крепким и сильным, как маленький бычок.

В деревне верили: чем проще домашнее имя, тем легче ребёнку выжить. Юаньцзин был по-настоящему счастлив: брат, погубленный в сюжете, наконец пришёл в этот мир, и мать была в безопасности.

Дая и нынешняя Эръя стояли поодаль. После истории с побегом старшей сестры они боялись лишний раз подойти к Юаньцзину. Заметив их робкие взгляды, он поманил их к себе:

— Идите скорее, посмотрите на Сяо Нюню!

В глазах шестилетней Эръя вспыхнула радость. Дая помедлила, но сделала первый шаг.

Судьба маленького Сяо Нюню словно испытывала его с первых дней. Роды были тяжёлыми, а у матери почти не оказалось молока. Ребёнок плакал от голода, и бабушке приходилось варить рисовый отвар. Юаньцзин понимал, что так дело не пойдёт. В один из дней он присмотрел на рынке двух дойных коз. У одной молока было в избытке, другая была на сносях.

Когда Даюн пришёл забирать сына из школы, Юаньцзин уговорил его купить обеих животных. Уже ведя их домой, отец внезапно протрезвел:

— Ох, задаст мне матушка взбучку! Столько денег на ветер... Может, вернём, пока не поздно?

— Папа, козье молоко куда полезнее рисовой водицы. Если Юаньцзэ не выпьет всё, мы с бабушкой поможем. А ещё я подумал: не пора ли нам завести своё дело? Давай выращивать коз?

Юаньцзин уже проверил силу источника. Он рассудил так: если поить коз водой из источника, они станут лучшими в округе. Это был его первый шаг к процветанию дома — остальное подождёт, пока он не станет сюцаем.

Даюн с сомнением покосился на раздувшийся бок одной из коз:

— И впрямь получится?

— Почему нет? Уход за ними несложный, а пользы море. Просто попробуй, отец.

Предчувствия Даюна не обманули. Едва старая госпожа увидела, что сын спустил серебро на коз, она тут же схватилась за метлу:

— Ах ты, расточитель! Совсем из ума выжил!

Юаньцзин подождал, пока отец получит пару воспитательных шлепков, и вступил в дело. Слово любимого внука всегда весило больше. Он напомнил бабушке, что козье молоко — залог здоровья для малыша, а ещё настоял, чтобы и сама она пила его для крепости сил.

Ох, какой же заботливый внучек! Госпожа Сун тут же отбросила метлу и принялась обнимать Юаньцзина. Даюн только вздохнул, глядя в небо: такой разницы в отношении матери он ещё не видел.

Младшая госпожа Сун тоже была растрогана до глубины души. Она понимала: сын затеял это всё ради неё и младшего брата. Для неё слова о пользе молока для взрослых были лишь добрым предложением.

<http://bllate.org/book/15835/1501735>